

Два письма В. А. Жуковского къ А. Н. Оленину (1838 г.).

Въ Архивѣ Императорской Публичной Библіотеки при дѣлѣ № 22 1838 года хранятся два письма В. А. Жуковского. Ни то, ни другое еще до сихъ поръ не были изданы. Ихъ мы не находимъ ни у И. Ѳ. Бычкова ¹⁾, ни въ сборникахъ ²⁾, не говоря уже о собраніяхъ сочиненій В. А. Жуковского.

Говоря послѣднее, я не хочу этимъ придавать письмамъ какое-либо исключительное значеніе: одно изъ нихъ просто оффиціальное отношеніе,—но тѣмъ не менѣе они интересны въ силу даже того факта, который послужилъ поводомъ для ихъ написанія: письма относятся къ юбилею И. А. Крылова въ 1838 году.

2-го февраля 1838 года въ Петербургѣ происходило рѣдкое, даже небывалое торжество: чествовали знаменитаго баснописца И. А. Крылова въ день исполнившагося пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности. До сихъ поръ литература не знала такого факта. Публичнаго признанія,— даже оффиціального, не только общественнаго,— ея заслугъ не было. И, конечно, юбилей И. А. Крылова былъ явленіемъ необычайнымъ. Въ этомъ торжествѣ участвовали всѣ писатели,— и естественно: Крыловъ былъ „патріархъ“ русской литературы; въ Крыловѣ видѣли славу Россіи ³⁾,

¹⁾ Бумаги В. А. Жуковского, поступившія въ Имп. Публичную Библіотеку въ 1884 году. Разобраны и описаны Ив. Бычковымъ. СПБ. 1887 г.

²⁾ „Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя“. Вып. I. СПБ. 1907 г.

³⁾ Письмо А. Н. Оленина. Кеневичъ В. Ѳ. Матеріалы для біографіи И. А. Крылова. Сборникъ статей, читанныхъ въ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ. Т. VI. СПБ. 1869 г., стр. 308 (второй пагинація).

и мысль объ его чествованіи „быстро пролетѣла по всему русскому литературному міру, всѣ приняли ее съ жаркимъ чувствомъ патріотизма, и она мгновенно осуществилась¹⁾. Но это не былъ праздникъ только литераторовъ. Принять участіе въ немъ желали и другіе. Лобановъ указываетъ, что въ залѣ, куда пріѣхалъ И. А. Крыловъ, „ожидали его литераторы и почитатели его таланта“²⁾. Были на чествованіи и гости³⁾, и, повидимому, ничто не омрачало праздника, объединившаго всѣхъ въ одномъ чувствѣ—„нравоучительныя и между тѣмъ пріятныя ваши творенія для всѣхъ возрастовъ, составляли непоколебимую вашу славу—и славу Россіи“⁴⁾, и „окруженный пирующими, на его праздникъ вельможами, друзьями и всѣми русскими литераторами, которые только были тогда въ Петербургѣ, за исключеніемъ только тѣхъ, которымъ болѣзнь помѣшала участвовать въ торжествѣ: честимый, привѣтствуемый, оглушаемый радостными рукоплесканіями, нашъ бѣловласый старецъ почувствовалъ въ эти минуты сладкое и полное упоеніе славы...“⁵⁾.

Въ единодушіи на торжествѣ, въ жаркихъ чувствахъ къ писателю, въ энергіи осуществленія идеи празднованія сказывались не только личныя отношенія къ баснописцу, въ XIX в. относившемуся ко всѣмъ явленіямъ одинаково: „философствуя сквозь сонъ“,—было и другое: въ чествованіи писателя видѣли признаніе значенія литературы, и, конечно, тѣ, для которыхъ литература была дорога, взяли съ жаромъ за идею торжества: литература становится на свое, принадлежащее ей, мѣсто, и юбилей Крылова являлся не только фактомъ его жизни, но и праздникомъ всей литературы -- и даже болѣе:

А о праздникѣ народномъ,
Безкорыстномъ, благородномъ .
Позднимъ внукамъ расскажу
И листокъ вѣнка Крылова
Для потомства молодова
Какъ святыню покажу⁶⁾.

¹⁾ М. Лобановъ. Жизнь и сочиненія Ив. Ан. Крылова. СПб. 1847 г. стр. 78.

²⁾ *ibidem*, стр. 79.

³⁾ *ibid.*, стр. 82.

⁴⁾ Письмо А. Н. Оленина. В. Θ. Кеневичъ. Сборникъ.... стр. 308 (второй пагинаціи).

⁵⁾ Лобановъ, стр. 82.

⁶⁾ Е. Гребенка. Сборникъ.... стр. 307—08 (второй пагинаціи).

Вполнѣ естественно,—каждая мелочь торжества получала свое значеніе. Лавровые листки, которые раздавалъ А. И. Крыловъ на память, съ этой точки зрѣнія, какъ видимъ изъ стихотворенія, получали свой смыслъ, „Лавровый листокъ вашъ послужитъ намъ живымъ, бесцѣннымъ выраженіемъ того, чѣмъ вы ужъ насъ прежде надѣлили—участкомъ вашей славы“¹⁾; „отъ всей души благодарю за присланный лавровый листокъ—онъ перейдетъ въ наслѣдство къ моимъ дѣтямъ“²⁾.

Насколько важенъ былъ, во взглядахъ современниковъ, юбилей И. А. Крылова, еще ярче видно изъ заключительной рѣчи А. Н. Оленина: „Въ заключеніе сего празднества въ честь И. А. Крылова, предлагается гг. участвующимъ въ пиршествѣ (и всѣмъ, кто пожелаетъ быть соучастникомъ въ томъ же преднамѣреніи) выбить въ память сего событія медаль, съ изображеніемъ съ одной стороны профильнаго портрета И. А. Крылова, а съ другой—приличной къ сему надписи“³⁾. И медаль была выбита. „На медали... написано: 2 февраля 1838 года. И. А. Крылову въ воспоминаніе пятидесятилѣтія литературныхъ его трудовъ, отъ любителей русской словесности“⁴⁾.

По поводу этой медали въ производствѣ Публичной Библиотеки возникло дѣло⁵⁾. Дѣло сравнительно небольшое. Переписки было мало. Бумаги въ большинствѣ касаются выбора, представленія и утвержденія рисунка и надписи.

Начинается оно съ отношенія А. Н. Оленина гр. Уварову, Министру Нар. Просвѣщенія, съ препровожденіемъ рисунка медали и надписи, а „равно и вылепленнаго изъ воску въ большомъ видѣ модели, работы пенсіонера Лютина“. Въ отвѣтъ на это Уваровъ пишетъ новое отношеніе, въ которомъ сообщаетъ Оленину, что по Высочайшему соизволенію дѣло переходитъ къ Министру Финансовъ, куда и отправлено все присланное Оленинымъ.

Но для скорѣйшаго осуществленія идеи, очевидно, былъ предпринятъ и другой путь,—черезъ В. А. Жуковскаго, человѣка близкаго ко двору,—воспитателя Наслѣдника Престола,—и третья бумага—отношеніе В. А. Жуковскаго къ А. Н. Оленину:

¹⁾ Письмо Лажечникова. *ibid.*, стр. 31' (второй пагинаціи).

²⁾ Письмо Загоскина. *ibid.*, стр. 312 (второй пагинаціи).

³⁾ Сборникъ... стр. 308 (второй пагинаціи),

⁴⁾ Лобановъ, стр. 82.

⁵⁾ № 22. 1838 г. Дѣло Управленія Императорской Публичной Библиотеки о Высочайше утвержденномъ рисункѣ медали въ честь 50-лѣтней литературной дѣятельности баснописца И. А. Крылова.

Милостивый Государь
Алексѣй Николаевичъ.

Имѣю честь препроводить къ вашему Высокопревосходительству рисунокъ медали въ честь И. А. Крылова, утвержденный Государемъ Императоромъ. Я представлялъ Его Величеству этотъ рисунокъ черезъ Государя Наслѣдника, который возвратилъ мнѣ его съ собственноручною на немъ отмѣткою и объявилъ мнѣ изустно высочайшее соизволеніе на то, чтобы надпись на медали была сдѣлана по образцу, здѣсь прилагаемому.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и неизмѣнною преданностью честь имѣю быть
Вашего Высокопревосходительства
Покорнѣйшимъ слугою

В. Жуковскій.

1838 г. февраля 9.

При этомъ, собственноручно написанномъ Жуковскимъ, отношеніи приложены два образца надписи, подъ одной изъ нихъ пометка: „Высочайше утвержденная надпись“. Она слѣдующая:

1838 года 2 февраля.
Съ высочайшаго соизволенія
Государя Императора
Николая Павловича
знаменитому
русскому баснописцу
Ивану Андреевичу Крылову
въ день его рожденія
и совершившагося пятидесятилѣтія
Его литературной дѣятельности
отъ друзей
Русской славы.

Надпись эта, какъ можно видѣть изъ книги М. Лобанова (см. выше) была измѣнена. Какимъ это образомъ достигнуто, изъ дѣла выяснитъ нельзя, но причина была та, какъ видно изъ послѣдующей бумаги А. Н. Оленина гр. Канкрину, Министру Финансовъ, что медальеръ отказался вмѣстить такую надпись на небольшой по объему медали.

Но все это одна—вишняя—сторона дѣла. Здѣсь мы видимъ единодушное всѣхъ желаніе и чувствовать, и закрѣпить въ памяти чувство. Последнее велось энергично, и дѣло осуществилось быстро. Помощь въ этомъ оказалъ, несомнѣнно, и Жуковскій своею близостью ко двору. Да и распорядители не откладывали дѣло, что видно изъ пригласительной бумаги Оленина (распорядителями были: Ал. Н. Оленинъ, В. А. Жуковскій, П. А. Плетневъ, В. А. Каригофъ, кн. П. А. Вяземскій и кн. В. Θ. Одоевскій): „для окончанія всѣхъ дѣлъ касательно обѣда, даннаго И. А. Крылову“.

Но далеко не такъ гладко прошелъ юбилей, какъ можно судить по описанію торжества. Были факты, которые, можетъ быть, и омрачили для нѣкоторыхъ празднество литературы. И Лобановъ дѣлаетъ далеко не лишнюю оговорку о присутствовавшихъ на торжествѣ литераторахъ: „были всѣ, говоритъ онъ, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ болѣзнь помѣшала участвовать“¹⁾. Среди привѣтствій, полученныхъ И. А. Крыловымъ, на юбилей, мы находимъ письмо Н. И. Греча²⁾. Онъ объясняетъ въ письмѣ свое отсутствіе „разстройствомъ здоровья, причиненнымъ жестокимъ огорченіемъ“³⁾. Объясненіе довольно неопредѣленное. Определеннѣе узнаемъ объ этомъ изъ черновой рукописи Н. И. Греча, найденной Н. К. Пиксановымъ въ Карловскомъ архивѣ. Изъ объясненія Греча мы видимъ, что онъ не былъ на юбилей, такъ какъ его имя было исключено изъ списка распорядителей⁴⁾. Между тѣмъ наканунѣ юбилея онъ узналъ волю государя „чтобы всѣ литераторы участвовали въ застрашномъ праздникѣ“⁵⁾. И „это внезапное обстоятельство жестоко его взволновало: онъ воротился въ кресла (дѣло было въ театрѣ) и не могъ тамъ высиѣть до конца. Кровь приступила у него къ головѣ, и принужденъ былъ со середины спектакля отправиться домой, почувствовалъ жестокую лихорадку, не спалъ всю ночь и на другой день всталъ въ совершенномъ разстройствѣ“⁶⁾. Нѣсколько иначе Н. И. Гречъ представилъ дѣло впоследствии въ своихъ „запискахъ“⁷⁾. Цѣна этихъ заявленій теперь довольно опредѣленна, но въ свое время извѣстно было только письмо Греча И. А. Крылову, а остальное все дополнялось слухами, которые,

¹⁾ Лобановъ, стр. 82.

²⁾ Сборникъ.... стр. 309 (второй пагинаціи).

³⁾ *ibid.*

⁴⁾ Н. К. Пиксановъ (сообщ.). „Изъ архива Θ. В. Булгарива“. „Русская Старина“ т. 122. 1905 г., кн. IV, стр. 201.

⁵⁾ *ibid.*, стр. 202.

⁶⁾ *ibid.*, стр. 202.

⁷⁾ Н. И. Гречъ. „Записки“.

можетъ быть, распускалъ и самъ Гречъ въ цѣляхъ оправданія, такъ какъ ему пришлось имѣть дѣло по поводу юбилея съ Дубельтомъ¹⁾. Неизбѣжно, конечно, нареканія были и на распорядителей и болѣе всего ихъ принялъ къ сердцу А. Н. Оленинъ. Почему онъ болѣе другихъ былъ затронутъ этими слухами, объясняетъ отчасти его отношеніе къ В. А. Жуковскому отъ 9 февраля 1838 года, отношеніе, посланное имъ В. А. Жуковскому въ отвѣтъ на вышеприведенную бумагу послѣдняго. Въ немъ А. Н. Оленинъ указываетъ на распространившіеся слухи о дѣятельности распорядителей въ распредѣленіи билетовъ; говоритъ, что во всемъ этомъ онъ не виноватъ, такъ какъ предлагалъ заранѣе предусмотрѣть неизбѣжныя ошибки и вмѣстѣ съ тѣмъ обвиняетъ и Жуковскаго въ томъ, что вину на все сваливаютъ теперь на него, Оленина²⁾. Въ заключеніе Оленинъ отказывается совершенно отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ.

¹⁾ *ibid.* стр. 501.

²⁾ Привожу и письмо А. Н. Оленина В. А. Жуковскому:

9 февраля 1838.

М. Г.

Василій Андреевичъ.

Вчера вечеромъ поздно я получилъ письмо Вашего Превосходительства съ объявленіемъ Высочайшаго утвержденія подписи къ медали, предполагаемой въ честь И. А. Крылова. Между тѣмъ рисунокъ той стороны медали, на которой предполагалось быть профильному портрету Нашего Знаменитаго Баснописца, еще не возвращенъ Его Превосходительствомъ С. С. Уваровымъ, принявшимъ на себя поднести оный Государю Императору. Со стороны же Вашего Превосходительства не сказано ни объ этомъ портретѣ, ни о порядкѣ исполненія сего предположенія, а потому и я принужденнымъ нахожусь обременить Васъ, М. Г., нѣкоторымъ по сему предмету объясненіемъ, если Вы полагаете на меня возложить исполненіе сего дѣла.

Вашему Превосходительству извѣстно, что непринятіе моего предложенія составить списокъ особымъ приглашеннымъ къ празднеству, данному И. А. Крылову (число коихъ долженствовало ограничиться размѣромъ залы, избранной для сего пиршества) произвело нѣкоторый безпорядокъ, принудившій Васъ самихъ свезти билетъ А. С. Шишкову—но я не знаю, какими судьбами сей безпорядокъ падаетъ теперь на меня—на меня, отказавшагося отъ раздачи билетовъ съ самаго начала и получившаго токмо отъ князя В. Ѳ. Одоевскаго 12 билетовъ, единственно для моихъ родственниковъ. Между тѣмъ, дошелъ до меня слухъ, что не токмо одинъ изъ почтенныхъ моихъ товарищей, изъ гг. распорядителей пиршества, отозвался одному изъ почтеннѣйшихъ сановниковъ нашихъ (изъявившему сожалѣніе свое, что не былъ приглашенъ, какъ и графъ Орловъ, къ пиршеству, данному Крылову), что сей безпорядокъ произошелъ уповательно отъ меня! Въ прибавокъ къ сему я узналъ вчера у себя дома, что и Ваше Превосхо-

Отказъ такого лица, какъ А. Н. Оленинъ, конечно, былъ ущербомъ для дѣла. А. Н. Оленинъ, помимо своего положенія, былъ къ И. А. Крылову близкій человѣкъ, человѣкъ, имѣвшій значеніе въ жизни баснописца, и распорядителямъ, конечно, непріятенъ былъ отказъ Оленина. Только этимъ и можно объяснить быстрый отвѣтъ В. А. Жуковскаго. Жуковскій, считая положеніе для дѣла опаснымъ, отвѣчаетъ въ тотъ же день и не оффиціальной бумагой, а дружескимъ письмомъ, написаннымъ наскоро, подъ впечатлѣніемъ минуты; онъ не дѣлаетъ въ началѣ даже обычнаго обращенія, пишетъ на цвѣтной бумагѣ. На оффиціальную бумагу отвѣтъ былъ частнымъ письмомъ, но и это письмо попало въ дѣло о медали.

Письмо до сихъ поръ не было напечатано,—приведу его:

„Чудеса на семь свѣтъ! Право не знаю въ чемъ вы меня обвиняете. Никогда и никому я на васъ не жаловался въ нераздачѣ билетовъ. Одинъ только билетъ не попался въ руки къ одному изъ приглашенныхъ нами и это билетъ...¹⁾, котораго вы хотѣли извѣстить черезъ Сведоха. Орловъ же былъ приглашенъ, и ему посланъ былъ билетъ, котораго ему его камердинеръ не отдалъ. Орловъ это знаетъ и не обвиняетъ никого. Во всемъ это(мъ) я, право, нисколько не виноватъ ни передъ другими, ни передъ вами. За что вы сердитесь на меня, право, не знаю. И если бы мнѣ быть Брутомъ, то развѣ только для того, чтобы за васъ подставить грудь свою подъ удары заговорщиковъ. Прошу знать и вѣдать, что во всякомъ разговорѣ я буду съ вашей стороны, а не противъ васъ.

Теперь дѣло о медали: Государь утвердилъ ту надпись, которую вамъ было угодно принять по моему предложенію и поправить. Что же касается до другой стороны, то она была уже утверждена прежде. Какъ хотите, а объ подпискѣ на медаль хозяйничать не кому, кромѣ васъ: вы здѣсь главное лицо, и вамъ, какъ личному благожелателю Крылову, слѣдуетъ взять на себя и отдать ему честь отъ лица Россіи, которая, награждая своего поэта, въ то же время не можетъ не быть за него благодарною и вамъ, во всю его жизнь,

---

дительство заваливаете эту бѣду на меня! На это я могу Вамъ только сказать: *et toi Brutos aussi*. Сие обстоятельство побуждаетъ меня просить Васъ убѣдительнѣйше, М. Г., избавить меня отъ всего, что можетъ подать поводъ показать меня виновнымъ передъ публикою—слѣдственно, избавить меня отъ напечатанія приглашеній къ соучастію въ издержкахъ для выбитія предполагаемой медали и отъ сбора на то денегъ.

Ожидая благосклоннаго на мою просьбу отвѣта, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью

Алексѣй Оленинъ.

¹⁾ Слово не разобрано. Л. И.

вы были его руководителемъ и поощрителемъ. Не отказывайтесь же отъ принадлежащаго вамъ дѣла. А на вранье не обращайтесь вниманія. Безъ вракъ никакое публичное дѣло не обходится: таковъ уже ходъ вещей міра сего.

Надобно будетъ переговорить объ этомъ дѣлѣ лично, созвать распорядителей къ себѣ и условиться, что и какъ сдѣлать.

Вамъ мой привѣтъ: не гнѣвайтесь, батенька, Алексѣй Николаевичъ, на меня! Ни въ чемъ передъ вами не виновать, ни словомъ, ни дѣломъ, ни помышленіемъ.

Вамъ душевно преданный

В. Жуковскій.

9 февраля 1838 г.

Это письмо всего ярче показываетъ, что далеко не такъ гладко все прошло, какъ можетъ показаться. Да и администрація тоже, очевидно, чего-то боялась, какъ можно видѣть изъ черновой записки Н. И. Греча¹⁾. Правда, распорядители сдѣлали все, чтобы не было недоразумѣній, но „безъ вракъ никакое публичное дѣло не обходится: таковъ ужъ ходъ вещей міра сего“. И избѣжать этого было трудно, тѣмъ болѣе, что это зависѣло не отъ нихъ: задѣто было самолюбіе Н. И. Греча,—и разыгралась исторія. Правда, онъ выступилъ печатно²⁾, но и въ данномъ случаѣ въ такой формѣ, что распорядителямъ пришлось дать отвѣдь обиженному публицисту³⁾. Стоустая молва раздувала этотъ инцидентъ, и слухи проникли въ домъ А. Н. Оленина, результатомъ чего было его письмо. Эти слухи, очевидно, мало имѣли реального содержанія. А. Н. Оленинъ указываетъ въ письмѣ на высокопоставленное лицо, но, кажется, въ данномъ случаѣ онъ повторялъ только слухи: слишкомъ скоро прошла его обида. Достаточно было В. А. Жуковскому написать письмо, и обида прошла: письмо его вполне удовлетворило, и слѣдующая бумага исходила опять отъ А. Н. Оленина. Въ этой бумагѣ онъ, исполняя просьбу В. А. Жуковскаго, приглашаетъ распорядителей на собраніе „для окончанія всѣхъ дѣлъ касательно обѣда, даннаго И. А. Крылову“.

Имѣла значеніе въ данномъ случаѣ, конечно, и та быстрота, съ какою В. А. Жуковскій отвѣтилъ А. Н. Оленину: схваченъ былъ моментъ. Имѣла, конечно, значеніе и задушевность письма, и самая форма

¹⁾ Пиксановъ. „Рус. Старина“, т. 122, стр. 203.

²⁾ Сѣверная Пчела 1838 г. № 32. См. также Кеневичъ. Сборникъ... стр. 309 (второй пагинаціи). Прим. I.

³⁾ Литер. Прибавл. къ Русскому Инвалиду 1838 г. № 7. Также у Кеневича. Сборникъ... стр. 309 (второй пагинаціи). Прим. I.

его—не офіціального отношенія, а дружеской записки, выяснявшей всю важность для дѣла участія въ немъ отказывающагося,—эта сторона письма, которая дѣлаетъ его болѣе удобнымъ для частной переписки, а не офіціального дѣлопроизводства. И какимъ образомъ оно попало въ дѣло—вопросъ. Но на этотъ вопросъ отвѣтить можно только вопросомъ же: какимъ образомъ въ дѣлопроизводствѣ Публичной Библіотеки возникло и самое все это дѣло, когда медаль И. А. Крылову поднесена была,—по идеѣ,—частными лицами и не за службу его въ Библіотекѣ, а за его литературную дѣятельность?

Л. Ильинскій.

